

ВЛАДИМИР ПЕЩЕРА

Иоанновы кони

СТИХИ

Владимир Пещера
Иоанновы кони. Стихи

«Издательские решения»

Пещера В.

Иоанновы кони. Стихи / В. Пещера — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504065-7

Дорогой друг, перед тобой метаисторическая книга стихов о России. Если представленные мною вирши затронут сердце, подтолкнут к самостоятельным рассуждениям над судьбами нашей Родины, то это будет самой лучшей наградой для Автора. С признательностью, Владимир Пещера

ISBN 978-5-00-504065-7

© Пещера В.
© Издательские решения

Содержание

Иоанновы кони	6
Господь нам улыбается с небес...	7
Свет в окошке	8
Сила	9
Не видать...	10
Бредущая	11
Этой осенью	12
Если честно	13
«Живу и я по всученным обрядам...»	14
В тучных землях Ханаана	15
А ты носишь дрова...	16
В четверг	17
Палаццо	18
Здравствуй, Сережа	19
А что есть у меня?	21
Мы идём по следам...	22
«Запрятали Русь по монашеским кельям...»	23
Не ходи, Андрей...	24
Ветер-командор	25
Ель	26
Добра и мира вестник	27
Дивный сон	28
О вавилонах	29
Миротворцы	30
К слову	31
Прорубь	32
Плачь, моя милая...	33
На два патрона	34
«Тяжёлыми небесами...»	35
О единстве	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иоанновы кони Стихи

Владимир Пещера

© Владимир Пещера, 2019

ISBN 978-5-0050-4065-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иоанновы кони

Кто же это затеял? —
всё вкось идёт,
вкривь, —
искалечены звёзды,
кресты вверх ногами, —
Иоанновы кони,
заслышав призыв,
нервно тянут поводья,
гордясь седоками.

На бескрайних
заброшенных
отчих полях
никого,
никого не останется
вскоре, —
сам себе говорю,
что те всадники – прах, —
не такое уж страшное
русскому горе.

Господь нам улыбается с небес...

Господь нам улыбается с небес
и мы с тобой в раю, как будто,
мы тоже тихо улыбаемся кому-то, —
похоже, кто-то взял да и воскрес. —
Господь нам улыбается с небес.

Господь нам улыбается с небес, —
слетаются счастливые минуты,
стихают языки душевной смуты
и замирает шумный мелкий бес. —
Господь нам улыбается с небес.

Господь нам улыбается с небес —
и жертв не надо и даров искусных,
и восхвалений буквенных и устных,
и показушных сказочных чудес —
Господь нам улыбается с небес!

Свет в окошке

Ни слова больше о берёзках,
чтоб... не ускорить их конец! —
вновь развели легко и просто,
не разобраться, кто ж подлец.

Патриотизм – похлёбка кошке,
когда о русских в нём «ни-ни»...
Зачем такой мне свет в окошке
с особым блеском в наши дни?

Сила

Ты явишь полуденным светом,
луною мерцаешь в ночи,
зарёй поднимаешься где-то
над сонмами спящих лощин,

идёшь над простором усталым,
касаясь пологих вершин,
скрывая великое в малом
среди среднерусских равнин.

Я слышу тебя в птичьем пенье
и в треске степного костра,
и в шорохе тайном видений,
и в сполохах чуткого сна. —

О! Ты – животворная сила,
в ком вся бессловесная тварь
и люди – живые могилы
иль крады не справленной гарь;

богам и царям ты не внемлешь,
кругами обходишь стенья,
целуешь родную мне землю,
по имени кличешь меня.

Не видать...

Не видать на небе клина
из крикливых журавлей...
Ба! – Знакомая картина! —
Спит унылая равнина,
как и те, кто жил на ней.

Смертный сон пьянее воли,
шьёт крестом да по земле,
всё в оградках свежих поле —
в этот свет несут в подоле,
в мир иной, всяк, на крыле.

Мертвецы терзают небыль,
как живые треплют быль,
и дрожит от ветра стебель,
от того, что он бесхлебен
или просто, что ковыль.

И зовёт тихонько голос, —
Чей? Откуда? Не понять...
И белеет русский волос,
как в снегу упрямый колос,
что забыли прежде сжать.

Не видать на небе клина
из прощальных журавлей,
только тучек паутина,
а под ней лежит равнина...
Кто продолжит жить на ней?

Бредущая

Ещё жива моя Россия, —
сучит ногой в земной пыли, —
ей жгут лицо ветра косые,
и громы бьют из-за горы,

косноязычный щебет птичий
собраться с духом не даёт,
она с животным безразличием
глядит устало в небосвод,

бредёт, как будто на заклятие,
предав богов, продав и крест,
и уповает на предание,
что путь укажет божий перст.

Этой осенью

Повалился на землю я колосом,
с цветом нивы овсяной волосом,
загляделся на луг неба с просинью
поздней осенью, чудной осенью.

К полю жаться спиною не холодно, —
я ещё живой с чувством голода
ко всему, что само в душу просится
дивной осенью, доброй осенью.

Так свежо, так легко мне мечтается,
чувства светлые кружатся стаями,
а нечистые тучкой уносятся
в дали дальние ласковой осенью.

Я лежу, – лишь хорошее помнится, —
проскакала годов моих конница,
показалась подковкой та сосенка, —
что за счастье идёт этой осенью?

Если честно

Да,
мы жили,
как в конюшнях,
где барак, и так и сяк, – барак,
верили наивно, простодушно,
что рог изобилия —
сельмаг,

полагали, —
рай за нашей дверью, —
только б не война и жар измен, —
мы ругали и хвалили
Берию,
и застой страны был нам
священ,

хоть и сердцем ждали
перемены,
по вождам сверяли мы судьбу, —
Ленин
всё одно лежал поленом
в самом выдающемся
гробу.

И дождались!
Всем уже известно,
что обмануты и подло и легко, —
смотрим вдаль устало,
если честно,
и не понимаем...
ничего.

«Живу и я по всученным обрядам...»

Живу и я по всученным обрядам
смердящего больного бытия, —
и мне, пожалуй, ничего уже не надо, —
жила бы только Родина моя.

Нет, не дадут, в покое не оставят,
как выжмут соки, сразу пустят кровь,
потом очередную гнусь натравят
и повторится сорок первый вновь.

Увы, история бедна на варианты.
Что ж, вилы есть и грабли у дверей,
о них частенько забывают оккупанты
и кое-кто из доморощенных князей.

Пока живу по всученным обрядам
навязанного сверху бытия,
но мне, как много, ой, как много, надо,
чтоб возродилась Родина моя.

В тучных землях Ханаана

В тучных землях Ханаана
прадед мой растил пшеницу, —
и веками неустанно
вёл Господь его денницу, —

жил обычно, по-крестьянски,
прославляя в небе Бога, —
тыщи лет до христианства
с Ним беседовал у стога.

Дед в святой реке купался
и коров своих поил,
а на Север же подался,
лишь когда не стало сил:

вышло время чужой стали —
дед покинул отчий край,
Иорданом ему стали
Днепр, Днестр и Дон-Дунай,

а потом Ока и Волга,
где моих отцов земля.
Прадед шёл к России долго...
до московского царя.

Нынче нет уж Ханаана,
только помнит Иордан,
как поил коровок рано
мой прадедушка Иван.

А ты носишь дрова...

А ты носишь дрова,
утопая ногами в сугробах, —
перепутана жизнь
и на сердце тяжёлая мгла,

вот и март на дворе,
на макушках соснового бора,
а тебе всё равно, —
ты таскаешь, таскаешь дрова

из соседних сараев, тайком,
пробираясь косулей,
где глухая тайга
над тобою встаёт по утрам,

а за сотни ветров жизнь гудит
и ревёт, словно улей,
а ты здесь среди лесов
всё таскаешь чужие дрова

в полушалке цветастом,
в фуфайке от младшего брата,
что давно на погосте
чернобыльским светит огнём,

ты одна, – навсегда, —
ты – вдова молодого солдата,
что на фото бессленно
с тобой за дощатым столом.

В четверг

Лёд, где сверкнёт, снега лучами смяты,
чернеет спуск, разъезжена дорога,
хоть и четверг, – все дни в России святы,
причём всегда, что с Богом, что без Бога, —

то не страна, – прообраз мирозданий,
где русский дух машина для галактик, —
здесь полигон для звёздных испытаний, —
а жизнь и смерть, – как виды новых тактик.

Палаццо

Моё священное палаццо:
полати, лавка, печь, крыльцо,
но мне хотелось бы признаться,
что я – не сельское лицо. —

Я не на исповеди, чтобы
бить перлы собственной судьбы,
тот, кто познал фасоны робы,
поймёт, что личной нет вины:

деревня сотни лет рожала
для нужд правителей России, —
неотвратимость кажет жало —
иссякли силы родовые,

истлели нынче наши скрепы, —
сгноили их, сожгли огнём,
хулить народ-то, – проще репы, —
вменять, что есть, худого в нём,

а ты попробуй, угадай-ка,
в какой земле поповья сука,
и станет ясно, чья та шайка
сто лет и бич для нас и мука!

Как я наведаюсь в «палаццо»,
то непременно печь топлю,
я весь тянусь к её теплу
и мне так хочется остаться,
но нет, нельзя, хоть и могу:
я – больше Родину люблю.

Здравствуй, Сережа

Здравствуй, Серёжа, снова мы свиделись,
нет, я не пьян, не в бреду.
Где та незримая тонкая линия,
я всё никак не пойму,

что, разделяя наши сознания,
вяжет нас в узел один?
Разве сильнее петля покаяния,
первый России сын?

Ты признавался часто, порывисто,
будто сам раньше висел,
стала земля тебе чёрта дном илистым.
Что досказать не успел?

Вот, ты увидел, что твари наделали
с Русью твоей и моей,
сам указал на чугунное дерево
слугам воспетых идей.

В строках пророки, в жизни, как дети,
каждый в России пиит,
псиною воеет декабрьский злой ветер
под жалкий трёп панихид.

Здравствуй, Серёжа, вот мы и свиделись,
нет, я не пьян, не в бреду.
Где же незримая страшная линия
та, за которой – в аду?

Ничего
не вернуть, —
так устроено время, —
не под силу
забвения
камни столкнуть, —
я привёл бы сюда
ханаанское племя,
вот тогда
на себя
вы смогли бы

взглянуть.

Ничего
не сменилось, —
всё та же картина, —
те же мощи
навстречу
и те же глаза,
только шире
и краше
под небом равнина,
только горше,
кровавей
стекает слеза.

А что есть у меня?

А что есть у меня? Да, пожалуй, немного, —
как у всех, у кого в седине спелый лён, —
правда, больше мирского, но есть и от Бога, —
всё ж в России, по милости божьей, живём, —

а ещё наша Русь, – как дитя перед бродом,
что, прижавшись к груди, умаляет снести, —
она ждёт воссоздания с кровным народом, —
только так можно будущее обрести, —

ей охота обнять неземные просторы, —
по вселенной с размахом, по-русски, пройти, —
чтоб поляны из звёзд и светил косогоры,
как знакомцы, встречали на новом пути.

Так что, – много всего у меня, очень много,
как у тех, у кого в седине спелый лён, —
правда, больше мирского, но есть и от Бога, —
всё ж в России, по милости божьей, живём!

Мы идём по следам...

Мы идём по следам царствий, съеденных в прошлом:
ханааннов, египтов, ассирий ... (вдыхаем их пыли и дым),
если русскость в России давно принимают за пошлость,
хотя третий рейх крякнул в пенатах, где рос третий рим.

Вот опять олигарх, рядом с ним прихлебатель сановник, —
их союз и страшнее и твёрже, как только слабеет народ, —
за спиною всегда новый жрец иль святоша церковник,
чтобы меньше с плебеями было сверхсметных забот.

Опускаются руки у слабых в бессилии кривду исправить,
глас безвольного люда молчит, но ревёт и ликует толпа,
и с экранов, как прежде с арены, летит инфо-гравий
и камнями, облитыми ядом, касается детского лба.

Новых варваров ждём, чтобы слиться в кровавом угаре
и в последних бореньях Свободы почувствовать вкус
и увидеть в предсмертной агонии, как гибнут твари,
а ещё, как воскреснет Святая Великая Русь...

«Запрятали Русь по монашеским кельям...»

Запрятали Русь по монашеским кельям,
прогнали босой по этапам в Сибирь,
молились, как Богу, и кляли, как зверя,
не счесть сколько раз вёл слепой поводырь

от плахи до плахи, по бунтам и «бундам»
и девою падшей тянули в притон,
и, как на Голгофу, толкали иуды
на гиблые баржи, в дымящий фургон,

и лгали пригретые властью поэты,
впиваясь ей в груди дыханьем сердец,
и брызгали кровью расстрелов рассветы,
и плакал над Русью Небесный Отец.

За сто лет последних смертельная кара,
наградой подобранный ветхий орёл,
как злая издѣвка внучат комиссара,
трѣхцветное знамя над пустошью сѣл.

Не ходи, Андрей...

Не ходи, Андрей, на Север, —
ничего о нас не зная, —
в этой лапотной Рассее
вся земля давно Святая.

Не смущай народ и... баста! —
хоть душой он, как ребёнок,
мудреца Экклезиаста,
знай, учил, ещё с пелёнок...

А ещё шепни ессеям,
как меня почтят за Бога,
что среди полей Рассеи
в Небо прячется дорога.

Ветер-командор

Среди сосен корабельных взад-вперёд шагает ветер,
словно мачты примеряет новым парусным флотам, —
он моря и океаны исходил по всей планете,
он готовится к отплытью к неизведанным мирам.

Капитану-командору стала тесна наша гавань, —
прелесть дерзкого похода будоражит его кровь, —
на невидимых страницах его личного устава,
как девиз, святая фраза «Приключенья и Любовь!»

Набирает он армады, где команды из бывалых, —
из охочих до познаний, бьющих силой через край, —
из туманов восходящих, облачков больших и малых,
чтоб по первому приказу проторить дорогу в рай.

Ель

Разухабилась ель, разрослась до небес,
проберёт меня хмель, толканёт тогда бес,

вот пойду и... срублю, а чего ещё ждать? —
будет что и по мне на дорогу метать. —

Пустоверий не чту, не боюсь укоризн, —
всё одно на Руси смерть, что новая жизнь.

И так было всегда и так будет свой век
потому, что дурак – русский наш человек,

но его простота семя правды хранит,
как и все чертежи неизвестных орбит.

Вырастай моя ель, выше края небес, —
в свой черёд я уйду в твой заоблачный лес.

Добра и мира вестник

Солнце
пышет цветом хлеба,
вяжет лучики в снопы, —
что вот есть такая треба,
не сказали нам попы

и раввины промолчали,
и мулла не произнёс,
что, скорей всего, в Начале,
был ещё пшеницы воз.

Будет хлеб – польётся песня
из души да через край,
где добра и мира вестник,
там румяный каравай —

неба сын и вольной пашни
до скончания веков
и ему совсем не важно,
как мы чтим своих богов.

ДИВНЫЙ СОН

Страна забылась при Союзе,
ей снился сладко-спелый сон,
как из початков кукурузы
выходит бодро царь Гвидон.

Ну, наконец, свершилось чудо! —
одна шестая часть земли
теперь ещё счастливей будет,
а с нею все материки, —

не надо топтать к коммунизму, —
как до луны почти пешком, —
не даст порочить он Отчизну
иным с их дьявольским смешком...

... страна уснула при Союзе,
её лелеял дивный сон,
как из початков кукурузы
выходит юный царь Гвидон.

О вавилонах

Прячет бездушный песок
славного города стать, —
мертвый лежит Вавилон,
мёртвым уже не сказать,

как развращали страну,
как изводили народ,
как обокрали казну,
как создавали господ:

бывший вчера козопас —
ныне хромой ростовщик
алчности камень припас,
для озверелой пращи;

выстрелит скоро процент
и земледелец падёт,
в звонах разящих монет
смерть откупщик приведёт, —

двор улетит с молотка,
станет рабыней жена
и дорогого платка
чья-то коснётся рука,

будет наложницей дочь,
сгинет в неизвестности сын, —
мёртвым уже не помочь,
но и не дать жить живым, —

новых властителей дом
зарится золотом чужим... —
Так погибал Вавилон, —
так вымирают миры.

Быль не узнать, коли лгут, —
правде изрежут хребет,
как разжигали войну
скроет загадочный бред.

Башни растут и сейчас, —
всех вавилонов не счесть, —
выбор всегда есть у нас,
только осталась ли честь?

Миротворцы

А мы, по жизни, – миротворцы! —
ещё и в этом русских суть:
у нас цари и царедворцы
все – немчура, евреи, горцы —
нам избирали этот путь.

Скрепя религией и... сердцем,
перекрестившись кое-как,
мы усмиряли иноземцев
и разнимали иноверцев,
как может лишь Иван—дурак,

отдав последнюю рубаху,
задвинув братьям по зубам,
мы за идею шли на плаху,
что палачи, глядя со страхом,
дорогу уступали нам.

Всегда Россия молодая, —
пока не сникла наша речь!
Мы, даже кровью истекая,
несём другим ключи от рая,
весь мир пытаюсь уберечь.

Что было? Что будет? А что ныне с нами,
когда пред глазами плывёт жизни мнимость? —
пытаясь схватиться за Время руками,
мы ловим единственную неповторимость.

А в ней наше счастье и с ней наша мука!
О ней сколько раз изливались поэты? —
но каждый стихал, раз меж ними порука, —
вдовела строка, разрядив пистолеты...

Она пожирает все виды пространства,
она, как дитя на руках, – так не бросить,
без чувства вины, как и без постоянства,
швыряет навстречу нам звёздную россыпь.

К слову

Слово
наш мир не исправит, —
Слово —
усталый Бог,
этой пространной яви
Слово подводит
итог.

К слову,
к чему лукавить, —
словно тянуть за хвост, —
славу бесславную
славить? —
Слово не выйдет
в рост.

Будет иное
время,
силы иные
взрастут,
новью проклонет
семя
тверди иной
скорлупу.

Слово
создаст Светило,
солнцем осветит
тьму,
я – нарождённому
миру
песню тогда
спою.

Прорубь

Окунулся в прорубь,
покрестился
принародно,
чтобы знали все,
какова сегодня власть
российска,
дескать, так и так,
но во Христе.

Вот и славно! —
большого не надо,
не помазан,
а как будто – царь, —
челядь та и эта очень
рада, —
как должно
и как бывало...
встарь!

Плачь, моя милая...

Плачь, моя милая,
плачь,
не закрывай лица, —
время —
тёртый калач
в пасти голодного
пса,

траур
на ветках берёз,
падает
снег с дождём,
небо чернеет от слёз,
в горле —
тяжёлый ком.

Гибель Поэта —
смерть
страхам чужих сердец,
строки его —
та твердь,
где восседает
Отец,

песни Поэта —
та нить,
что так роднит
с землёй,
раз уж даровано
жить
нам в этом мире
с тобой.

Плачь,
моя милая, плачь,
слушай
есенину звень, —
время —
безвольный палач
пьяным проспит
весь день.

На два патрона

Суд короткий и неправый —
кривда пулей вдарит в грудь, —
у заснеженной дубравы
наш с тобой прервётся путь...

Эх, Февраль, —
кобель приبلудный, —
как цеплял ты красный бант,
как толпою многолюдной
освящал свой транспарант!

Что Свобода? – ахинея, —
так, – приманка дуракам,
ловкий трюк у прохиндея
разум спутать мужикам,

чтоб за Равенство сразиться
впереди густых цепей,
чтоб, по—новому, молиться,
Братство зиждя без кровей.

Вот и всё, пиши пропало —
дальше жизнь пойдёт без нас,
в крест вонзит кусок металла, —
глас народа – божий глас?

На убой сведут Россию,
так и быть, протянет век, —
власти лживой деспотию
принял русский человек.

Солнца красного икона
вон проходит стороной...

Две души на два патрона
да глубоких два поклона,
и... поминки над землёй.

«Тяжёлыми небесами...»

Тяжёлыми небесами
к земле приколочена Русь,
с обеденными лесами,
в тропинках, как тонкий ус,

глядит исподлобья и дико, —
на небо умчаться не прочь, —
тимьяном и повиликой
сплетает ей ноги ночь,

а днями царёвы служки
на путы ей режут грудь,
и вязнет в кровавых лужах
её никудышный путь, —

всё крестится на берёзы,
не зная, какой в том толк,
и прячет горючие слёзы
за прядью белёсый шёлк, —

и, полно, давно без веры
первопрестольный град,
пред оком библейского зверя
орлы золотые горят...

О единстве

Единство – не в душе,
не на бумаге,
не в бледно-красных днях

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.